

ПРЕМЬЕРА СОСТОИТСЯ СЕГОДНЯ

СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО

НА СЦЕНЕ ФИЛИАЛА МХАТА СССР ИМЕНИ ГОРЬКОГО СОСТОИТСЯ ПРЕМЬЕРА СПЕКТАКЛЯ «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ», СОЗДАННОГО ПО ЗНАМЕНИТОЙ ПОВЕСТИ ДОСТОЕВСКОГО.

Сегодня

ВРЕМЯ — великий и мудрый режиссер. В зависимости от эпохи, исторических перемен и социальных обстоятельств кардинально меняются восприятие, умонастроение актеров и зрителей. И в самых, казалось бы, бесспорных, давно «закрепленных» в своей трактовке классических творениях прошлого открывается неожиданное, принципиально новое. Так получилось и с новой постановкой (сценическая композиция А. Колтышкина) по повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» на сцене филиала МХАТа...

Навегда вошел в историю русского искусства тот неповторимый спектакль Художественного театра, премьера которого состоялась в канун Октябрьской революции, в сентябре 1917 года. И как забыть записанный в анналах театра воскресный вечер 2 июня (нов. ст.) 1918 года, когда «Село Степанчиково» смотрел В. И. Ленин? Как забыть жуткий в своем юродстве, неистовый в наглости, властолюбивый и озлобленный, масштабный образ Фомы Опискина, сыгранный Москвиным? Театр, по словам Станиславского, создал тогда «жесткую, нервную сатиру», и воспринималась она не как идиллическая смешная картина быта маленького села Степанчикова, а как символическое изображение ненавистной, разрушенной народом помещицкой России, как изображение нравов дома Романовых. А Фома Опискин напоминал пресловутую зловещую фигуру невежественного, циничного авантюриста Распутина.

А что же теперь, в 1970-м? До начала спектакля довелось слышать такие суждения скептиков: а может, и совсем не нужно теперь ставить «Село Степанчиково», кому это интересно? Ответом сразу: театр своей трактовкой и мастерством исполнения доказал — нужно, интересно, но решать надо совсем по-другому, нежели прежде...

Режиссер-постановщик В. Богомолов и ансамбль исполнителей (а здесь мы видим спаянный общим замыслом, великолепный, в лучшем смысле, традиционно мхатовский ансамбль) раскрыли нам прозорливость и актуальность Достоевского — обличителя, художника, исследовавшего глубины человеческой природы в ее взлетах и падениях, в ее широчайших возможностях свершения дурного, низкого и прекрасного, благородного. В центре внимания по-прежнему Фома Опискин — в интеллектном и ярком воплощении А. Грибова. Его герой уже не так гипнотически страшен и дьявольски неотразим, как у Москвина. Это просто вьедливый лицемер, велеречивый, расчетливый ханжа, умело пользующийся человеческими слабостями ради своей выгоды. Стоит только расхрабриться и прикрикнуть на него, восстать против его мнимой «власти», и он становится жалким, но тут же, применяясь к обстоятельствам, уступает, делая вид, что сам стремился все уладить и сделать во имя всеобщего счастья, что он боронник добра и олицетворение бескорыстия. Стоит посмотреть на физиономию Фомы —

Грибова, когда он, чуть прищурясь, украдкой оценивающе разглядывает восставшего против его планов полковника Ростанева — словно взвешивая, а насколько, мол, хватит его добрых намерений, насколько серьезен «бунт»? И приспособляется, изворачивается, избредает неожиданные ходы, желая не потерять уютное и хлебное пристанище в Степанчикове. Фома стремится угодить не только старой, обожающей его, выжившей из ума самодурке-генеральше, которую так скупое, отработанными жестами, графически четко обрисовала О. Андровская, раскрывая в этой роли новые, не привычные для нас черты своего дарования...

В хорошем комедийном темпе разворачивается интрига спектакля. На два лагеря — за и против Фомы и его алчных вождедений — разделяются действующие лица. В финале режиссер смело представляет их непосредственно друг против друга, по обе стороны сцены. И все это смотрелось бы лишь как талантливо сделанная комедия, веселая кутерьма с обмороками, интригами, истериками, борьбой враждующих сторон и благополучным финалом — свадьбой полковника и гувернантки Настеньки, если бы не было в этом спектакле, подлинного и сейчас еще в полную силу звучащего Достоевского.

Темпераментно и красочно сыграл своего внешне представительного, бравого разорившегося отставного поручика Мизинчикова артист В. Невинный, вначале утверждающего, что ему остается два выхода: украсть или жениться. Однако, сватаясь за богатую глупенькую Татьяну Ивановну, он все же пытается убедить Ростанева (М. Зимин), что «жалост» ее, что ее всякий может обидеть, а он, мол, защитит (конечно, вос-

пользовавшись ее состоянием). И даже ничтожный, изломанный, тщетно пытающийся быть элегантным Обносин (В. Шиловский)

утверждает, что жаждет жениться на Татьяне Ивановне якобы для того, чтобы учредить стипендию, способствовать отечественному просвещению.

...Но более всего суждений о человеке, его деяниях, помыслах, о доброте подлинной и мнимой вложил Достоевский в речи Фомы Опискина. И последний монолог Фомы подлинно патетически звучит у Грибова, когда он кричит на весь театр: «Горе тому, кто сделал меня человеконенавистником! Дайте мне человека, чтобы я мог любить его!».

Гневно осуждает спектакль и тех, кто подобно Ростаневу, своей пассивностью, безволием потворствует Фоме.

Есть ли в спектакле недостатки, спросите вы. Есть. Например, инородным, легковесным кажется нам образ появляющегося в финале «загадочного господина» Коровкина. Нет в нем точной, характерной для Достоевского острой типичности. Несклько неожиданно для нас в аляповатой, вначале жеманной, помешанной на амурях Татьяне Ивановне (Т. Лениникова) открываются под конец милая сердечность, нежность по отношению к Настеньке. Мысль хорошая, но нужно было тогда раньше дать логические, художественные основания для такой трактовки. Настенька (Г. Стецюк) хороша в драматических сценах, но несколько однообразна в «молчаливых» паузах. Молчать на сцене и сопереживать действию — трудная задача.

И все же в целом спектакль представляется нам значительным, отличающимся ярким светлым талантливых исполнителей, интересно и верно задуманным.

А. ДУБИНСКАЯ,
кандидат филологических наук.